

- невековья. — М.: Наука, 1981. — С. 83—90, рис. 62.
11. П л е т н е в а С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М.: Наука, 1989. — С. 284.
12. Р у н и ч А. П. Раннесредневековые склепы

- Пятигорья // СА. — 1979. — № 4. — С. 232—247.
13. Щ е п и н с к и й А. А., Ч е р е п а н о в а Е. Н. Исследования в Северном Крыму // АО. — 1966—1967. — С. 179—183.

РАШО РАШЕВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРАБОЛГАР

Любая попытка вмешаться в дискуссию о происхождении праболгар (протоболгар, древних болгар, тюрко-болгар) грозит автору повторением уже давно известных фактов и мнений. Кажется, уже высказаны все возможные концепции и их опровержения. Многократно исследованы и прокомментированы письменные источники; а они, казалось бы, практически исчерпаны. В связи с этим возрастает значение археологических источников. Они отражены в последнем исследовании, посвященном истории и материальной культуре праболгар (1, с. 26—127). Однако к решению проблемы обычно привлекалось ограниченное количество памятников, материалы со спорной этнической принадлежностью, к тому же частично изданные. Традиционно господствует убеждение, что праболгары были тюрками или, по крайней мере, тюркоязычными племенами иранского и угрофинского происхождения. Тюркский язык и тюркский антропологический тип праболгар при этом никем не оспариваются. В то же время, имеются данные, которые в большей своей части давно известны, но считались малоперспективными для решения вопроса — были ли протоболгары тюрками, а население, которое Аспарух привел с собой, расселив на Нижнем Дунае в третьей четверти VII в., тюркоязычным. Все современные авторы отвечают на этот вопрос утвердительно, что нашло отражение и в последнем издании академической истории Болгарии (2, с. 60). Обычно в качестве доказательства указывают на тюркские языковые формы в Именнике болгарских владетелей, на некоторые данные византийских письменных источников и надписях на колоннах, датирующихся первой половиной IX в. С точки зрения представленных в этих памятниках тюркских личных имен, наименований месяцев и годов по византийскому календарю и некоторых титулов и слов, происхождение праболгар можно действительно связать с тюркским этническим массивом, появившимся в Восточной Европе в ходе Великого переселения народов. К ним можно добавить и некоторые элементы культуры Первого болгарского царства, несомненно восточно-го происхождения, как, например, 12-летний

календарный цикл, культ Тенгри, тюркские военно-административные должности, способ построения войска с выделением центра, правого и левого крыльев, сословное деление общества, обособление государственной территории на внутреннюю и внешнюю части и др. Все эти явления имеют свои аналоги в культуре древнетюркского каганата, в состав которого праболгары были включены в последней четверти VI в. — первой четверти VII в.

Сразу, однако, нужно сделать существенное уточнение. Тюркские языковые реалии и данные о социальной организации общества и государства надо целиком связывать с языком и культурой только военно-административной и родовой верхушки болгарского общества конца VII—IX вв.: хана, ханской семьи, ближайшего окружения владетеля, но они никак не характеризуют население, которое считается праболгарским по своему происхождению. Ошибка состоит в том, что не учитывается официальный характер информации привлекаемого исследователями круга памятников.

Выводы о происхождении массы населения можно делать на основании трех признаков: погребального обряда, антропологического типа, языка. Погребения, сделанные по обряду трупоположения, ориентированные с северо-запада на восток, считаются традиционно протоболгарскими на Нижнем Дунае. Скелеты лежат на спине в вытянутом положении, руки обычно вдоль тела. Погребальный инвентарь не богат, оружие и конское снаряжение очень редки. Найдены кости домашних животных. Погребение коня или его кости являются исключением. На всех исследованных памятниках установлено, что погребенные принадлежали к европеоидам и в некоторых случаях имели слабые монголоидные черты (3, с. 347—370; 4, с. 171—213; 5, с. 49—66). Во всех могильниках засвидетельствован обычай искусственной деформации черепа, что характерно, как известно, не для тюрков, а для древнего населения, населявшего степи Восточной Европы до прихода тюрков — поздних скифов и сарматов. Для выяснения вероятного языка попавших на Нижний Дунай праболгар нужно обратиться к кос-

венным данным, поскольку могильники в этом отношении не дают практически никакой информации. В древнеболгарском языке, который получил письменность в середине IX в., есть только два слова «кумир» и «капище», — которые можно связать с древнетюркским языком. К ним в современном болгарском языке добавляются еще 14—15 слов (6, с. 32—35; 7, с. 286). В последнее время количество выделенных древнетюркских слов доведено до 40, но это сделано с оговоркой, что их половецко-печенежское и османно-турецкое происхождение также нельзя исключать (8, с. 16). Напрашивается сравнение с современным венгерским языком, где более 300 слов имеют несомненное древнетюркское-древнеболгарское происхождение. В этом плане ситуация в болгарском языке выглядит немного странной, если настаивать на том, что все праболгары были тюрками по языку. Известный болгарский языковед Ст. Младенов отмечал, что праболгары составляли слишком ограниченное число населения и поэтому не сумели оставить в языке заметного следа. Если, по мнению классика болгарской медиевистики В. Н. Златарского, дружина Аспаруха состояла из 30000 воинов, то некоторые современные авторы увеличивают эту цифру в десять раз. И здесь можно обратиться к данным могильников (9). По современным исследованиям труположения в дохристианских бритагуальных могильниках VIII — середины IX вв. составляют 29% от всех погребений. Эту цифру можно увеличить еще на 2—3%, если учесть данные неопубликованных могильников, что в конечном счете составит почти 1/3 всех погребений. Считать это количество малым нельзя, а следовательно, не в малочисленности тюрков надо искать причину отсутствия древнетюркских слов в древнем и современном болгарском языке. Вывод может показаться слишком неожиданным, но он вполне естествен: большинство праболгарского населения, по всей вероятности, не говорило на тюркском языке. Можно предполагать, что славянизация в сфере языка произошла слишком быстро, потому что это население ко времени своего переселения уже говорило на этом языке. Вместе с тем, оно сохранило вплоть до принятия христианства неславянский погребальный обряд, что свидетельствует об его ином этническом происхождении.

Итак, есть основание говорить о двух группах праболгар и, соответственно, о двух праболгарских культурах (10). С одной стороны, эта тюркская по своему происхождению аристократия, занимавшая (как и в период до переселения) руководящие должности в государственном аппарате, с другой — нетюркское по своему происхождению рядовое население, занятое земледелием и скотоводством. Более чем вероятно, что эти две группы различались не только своим социальным положением, но и языком и куль-

турой. Еще Ст. Младенов указывал, что место праболгар напоминало роль франков среди галлов и варягов среди восточных славян. Его замечание можно откорректировать — это относилось только к тюркской верхушке, а не ко всему населению, которое в современной историографии определяется как праболгарское.

Давно установлено, что в раннем средневековье этническая общность формировалась в результате массовых миграций и смешений населения. Поэтому не удивляет, что даже в гомотипном составе праболгарской верхушки В. Бешевлиев сумел (на основе анализа письменных источников и наименований родов) установить существование трех этнических составляющих: тюркской, иранской и угрофинской (11, с. 22). Если этническая неоднородность существовала в кругах аристократии, тем более ее можно ожидать среди рядового населения. К этому надо добавить и наблюдения некоторых тюркологов о нетипичности тюркского языка, представленного в письменных источниках Дунайской Болгарии (12, с. 31—32).

Подобную возможность разноэтнического состава населения допускали в свое время некоторые советские, а за ними и болгарские археологи (13, с. 10—12; 14, с. 14 сл.; 15, с. 82—83; 16, с. 93; 17, с. 198—199; 18, с. 28—29). Они утверждали, не углубляясь в конкретные доказательства, что к собственно тюркской праболгарской группе присоединили остатки аланосарматского населения, обитавшие в степях задолго до появления первой волны азиатских пришельцев. Это население приняло господствующий в ту эпоху тюркский язык. Процесс предполагаемой тотальной тюркизации степного населения не подкрепляется конкретными примерами и поэтому остается недоказанным.

Присутствие иранского этнического элемента в составе древнеболгарских племен можно допускать, учитывая ареал позднесарматских племен накануне гуннского вторжения в Европу. Известно, что они доминировали в степной части региона, где позже византийские авторы указывали местонахождение болгар. Позднесарматские племена проникли еще в начале нашей эры и на Нижний Дунай, смешиваясь с местным гето-дакийским населением (19, с. 260—263; 20, с. 191—202, карта 14). Погребальный обряд этого населения — труположения, ориентированные головой на север. Часто дно погребальной ямы обжигалось, иногда на него посыпали уголь или мел, которые перемешивались с заполнением ямы. Нередко скелет сопровождали остатки напутственной пицци (кости домашних и диких животных). Для этих погребений характерна существенная деформация черепов. Сарматы принадлежали к брахикранному и мезокранному антропологическим типам. Они европеоиды, со слабыми монголоидными признаками. Все без исключения указанные особен-

ности погребального обряда поздних сарматов имеют аналоги в погребальном обряде болгарских племен VIII—IX вв. Как известно, в III—IV вв. сарматы приняли участие в формировании черняховской культуры. Иранский этнический элемент сохранился во всей южной части культуры, где позже локализируются те племена, которые письменными источниками называются болгарами (19, с. 263—276; 21).

Ряд исследователей утверждает, что часть населения черняховской культуры после гуннского погрома приняла участие в сложении сначала киевской, а потом и пеньковской культур. Последняя приобретает для нашей проблемы особое значение, так как существовала в тех местах, где письменные источники локализируют болгарское племя кутригуров, и мимо которых (согласно тем же источникам) прошел Аспарух в поиске новой родины. Об этнической принадлежности населения пеньковской культуры высказывались разные мнения. Большинство советских археологов утверждает, что это население принадлежало антам (22, с. 108—124; 23, с. 113—125; 24, с. 58—69; 25, с. 19—28; 26, с. 85—92; 27, с. 153—156; 28, с. 202 с.). Особую точку зрения предложил М. И. Артамонов на основе анализа серолощенной керамики пастырского типа, бронзовых и серебряных украшений поднепровского типа. Он предложил выделить пастырскую культуру, которую связывал с кутригурами (29, с. 3—7; 30, с. 22—23). М. И. Артамонов поддержал идею Д. Т. Березовца (31, с. 55) о возможном участии носителей пастырской культуры в формировании керамического комплекса Дунайской Болгарии, где аналогии серой керамики Пастырского городища известны в ряде могильников VIII—IX вв. Эту идею разделяют и некоторые болгарские археологи (32, с. 17; 33, с. 40—50; 18, с. 31). Погребальный обряд памятников, объединенный М. И. Артамоновым в особую культуру, остается недостаточно ясным (как, впрочем, и их этническая принадлежность). Вслед за П. Н. Третьяковым, (отрицавшим доводы М. И. Артамонова в статье «Что такое пастырская культура»), нам остается неясным, кто же такие кутригуры? Предполагается, что кутригуры, как и все болгары, — тюрки, но данных об их языке практически нет. Сам М. И. Артамонов признавал смешанный характер их происхождения, и его рассуждения по этому поводу показательны: «Вряд ли можно сомневаться, что болгарское население Северного Причерноморья образовалось не только из тюркских племен, которые появляются в период гуннского нашествия и после него. Оно образовалось в значительной степени и в результате тюркизации местного сармато-аланского населения и наследовало многие традиции его культуры. Благодаря этому в составе западных болгар могли оказаться тюркизированные потомки днепровских росо-

лан под именем росомоны, входившие в состав готского царства и воспринимавшие распространенную в нем черняховскую культуру» (29, с. 8). Если убрать слово «тюркизация», для которой в действительности нет прямых данных, этногенез болгар приднепровского круга приобрел бы, на наш взгляд, более реальные очертания.

Преобладающее присутствие нетюркского, иранского по происхождению, населения пеньковской культуры подтверждается глубоким и убедительным анализом И. П. Русановой. По ее мнению, анты — создатели пеньковской культуры — это потомки местного иранского населения, в среду которых активно проникают славяне из соседней пражско-корчакской культуры (34, с. 111—112). В дополнение к этому выводу можно высказать предположение о возможном доминировании славянского языка, который в результате славянской экспансии на юг быстро вытесняет иранский язык, чему способствовала этническая неоднородность населения. Упадок пеньковской культуры во второй половине VII в. и прекращение выпуска бронзовых и серебряных украшений днепровского типа косвенным путем указывают на возможность отделения части населения южного региона культуры и перемещения его на Нижний Дунай вместе с Аспарухом или сразу за ним. Вместе со славянскими племенами, которые уже до этого проникли южнее Дуная (в том числе и из самой пеньковской культуры), они могли составить тот контингент преобладающего славяноязычного населения, о котором говорилось выше. В целом сформировавшаяся материальная культура Первого болгарского царства с самого начала несет на себе печать оседлого, земледельческого образа жизни населения. Это противоречит утверждению о том, что на Нижний Дунай в третьей четверти VII в. пришли кочевники.

Вторая археологическая культура VII в. в северопричерноморском регионе, которая, видимо, принадлежала переселившимся на Дунай праболгарам — это культура впускных погребений, локализующаяся южнее пеньковской. Некоторые авторы именуют ее культурой «Сивашовка» (по названию сивашского погребения) и связывают с древними болгарами (26, с. 98—105; 27, с. 225—230). Она охватывает степную полосу от устья Дона (35) и датируется серединой — второй половиной VII в. Это дает основание некоторым авторам связывать круг объединяемых ею памятников с территорией Великой Болгарии хана Кубрата (36, с. 113—115). Согласно данным письменных источников государство Кубрата находилось в юго-восточном Приазовье, где его помещают и все современные авторы. Эта локализация обычно не подкрепляется соответствующими археологическими данными, так как в данном регионе не

известны тюркские памятники, исключение — кочевнические стойбища у берегов моря, открытые С. А. Плетневой и датированные ею VI—VII вв. (37, с. 13—19). По сведениям И. А. Баранова, действительно, на этой территории обнаружено значительное количество погребений VII в. в курганах. Их до сих пор, как правило, датировали античностью и считали сарматскими, из-за чего они и не привлекали внимания медиевистов. Если очертить зону распространения впускных погребений, то она не отвечает традиционно принятым очертаниям Великой Болгарии. В том же регионе находятся погребения перецепинского типа, относимые либо к болгарам, либо к хазарам (38). Помещать центр Великой Болгарии в Поднепровье необоснованно, но недооценивать роль региона в топографии Кубратовой державы также нельзя.

На Нижнем Дунае культура впускных погребений представлена в настоящее время только одним памятником. Это известное погребение 5 в кургане III возле Мадары. По данным археолога В. Микова, выше человеческого скелета находился скелет лошади, но точное его положение не зафиксировано. В тазовой области скелета был найден золотой поясной набор, который на основании ряда аналогий, в том числе недавно опубликованного погребения из Наташино в Крыму (36, с. 111—113, рис. 39) и Келегейского погребения в низовьях Днепра (38, с. 28—35), датируется серединой — второй половиной VII в. и является самым ранним памятником собственно праболгарской культуры времени заселения племени Аспаруха (39, с. 143—144). Сам факт, что погребение этого типа на Нижнем Дунае является одиночным, указывает на то, что кочевническо-всадническая часть переселившегося населения была сравнительно малой. Видимо, богатые погребения типа Малое Перецепино — Мадара принадлежали представителям собственно тюркской группы, которая принесла на Нижний Дунай тюркский язык и те элементы официальной культуры восточного типа, которые заняли ведущее место в культуре Первого болгарского царства. Она, вероятно, локализовалась только в районе Мадары и близрасположенной первой столицы Плиски, где был создан административный центр государства. В том же регионе исследован известный могильник Нови Пазар.

Подводя итоги, нужно подчеркнуть, что проблема происхождения праболгар требует пересмотра традиционного тюркского подхода. Необходимо дать новый импульс долго высказанной в литературе альтернативной точке зрения об участии в составе болгарских племен иранского по происхождению населения. Это поможет полнее, точнее и глубже понять сложность процесса формирования одного из раннесредневековых народов Восточной Европы. Пересмотр тюркской теории позволит лучше объ-

яснить биритуальность погребального обряда на Дунае в VIII—IX вв., отсутствие элементов ярко выраженной кочевнической культуры, славянскую топонимию в центральной области болгарского государства, славянские названия столиц Плиски и Преслава, европеоидный антропологический тип древних болгар, а также целый ряд фактов, требующих более точного объяснения с точки зрения этнической истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Д и м и т р о в Д. Ил. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. — Варна, 1987.
2. История на България. Т. II. — София, 1981.
3. Б а л а н М., Б о е в П. Археологически материали от некропола при Нови Пазар // Известия на Археологическия институт. — 1955. XII.
4. Й о р д а н о в Й. Антропологическо изследване на костния материал от раннобългарския масов гроб при град Девня // ИИМВ. — 1976. XII.
5. Й о р д а н о в Й. Антропологични данни за погребатине в прабългарски и раннобългарски некрополи в Североизточна България през IX—X вв. // ИБИД. — 1980. XXII.
6. М л а д е н о в С т. Вероятни и мними остатъци от езика на Аспаруховите българи в новобългарската реч // ГСУ ИФ. — 1920 — 1921. XVII.
7. М л а д е н о в С т. История на българския език (фототипно издание). — София, 1979.
8. Б о е в Б. За предгюрското тюрско влияние в българския езикоще няколко прабългарски думи // Български език. — 1965. XV. I.
9. В ъ ж а р о в а Ж. Славяни и прабългари (по данни от некрополите на територията на България от VI—XI вв. — София, 1976).
10. Р а ш е в Р. Прабългари и прабългарска култура // Сборник в памет на проф. Стано Ваклинов (в печати).
11. Б е ш е в л и е в В. За разнорядната същност на първобългарите // Плиска-Преслав. — 1981, 2.
12. Б е ш е в л и е в В. Първобългарите. Бит и култура. — София, 1981.
13. С м и р н о в А. П. Волжские болгары. — М., 1951.
14. М е р п е р т Н. Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. — 1951. 36.
15. А р т а м о н о в М. И. История хазар. — Л., 1962.
16. С т а н ч е в Ст., И в а н о в Ст. Некрополът при Пазар. — София, 1958.
17. С т а н ч е в Ст. Реалиите върху мадарския конник // Мадарският конник. Проучвания върху надписите и релефа. — София, 1956.
18. В а к л и н о в Ст. Формиране на старобългарската култура VI—XI в. — София, 1977.
19. Ф е д о р о в Г. Б., П о л е в о й Л. Л. Археология Румынии. — М., 1973.
20. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1987.
21. М а г о м е д о в Б. В. Черняховская культура

- северо-западного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1987.
22. Приходнюк О. М. Об этнокультурной ситуации в Днепровском лесостепном пограничье во второй половине I тысячелетия н.э. // Проблемы этногенеза славян. — Киев, 1978.
  23. Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е. — Київ: Наук. думка, 1980.
  24. Приходнюк О. М. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. — Киев: Наук. думка, 1989.
  25. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М.: Наука, 1982.
  26. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. — Киев: Наук. думка, 1985.
  27. Археология Украинской ССР. В 3-х т. — Киев: Наук. думка, 1986. — Т. 3.
  28. Славяне Юго-восточной Европы в предгосударственный период. — Киев: Наук. думка, 1990.
  29. Артамонов М. И. Этническая принадлежность и исторического значение на пастирската култура // Археология. — 1969. 3.
  30. Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. — 1970. — Вып. 15.
  31. Березовец Д. Т. Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія. — 1965. 19.
  32. Димитров Д. Ил. По въпроса за гробните камери с трупозгаряне в ранносредновековните некрополи в Североизточна България и Добруджа // ИНМВ. — 1976. XII.
  33. Ангелова С. Т. Традиции в прабългарската керамика на Североизточна България (VII—IX в.) // ГСУ, ИФ. — 1982. — Т. 74.
  34. Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. — М.: Наука, 1976.
  35. Швецов М. Л. Подкурганые захоронения хазарской эпохи. — Донецк, 1985.
  36. Бранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). — Киев: Наук. думка, 1990.
  37. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — М.: Наука, 1967.
  38. Айбабин А. И. Келегейское погребение военного вождя // Проблеми на прабългарската история и култура. — София, 1991. 2.
  39. // Проблеми на прабългарската история и култура. — София, 1989.

В. П. СТЕПАНЕНКО

К СТАТУСУ ТМУТАРАКАНИ В 80—90 гг. XI в.

Общепризнанно, что судьбы владений Византии в Крыму и на Боспоре в конце XI — первой половине XII вв. остаются достаточно смутными. Если по истории Херсонеса этого периода мы имеем хотя бы отрывочные сведения, то ситуация в Восточном Крыму и на Таманском полуострове известна намного хуже. Надпись патрикия и стратига Херсона и Сугдеи Льва Алиата (1059) свидетельствует о том, что в середине XI в. Византия продолжала контролировать Сугдею, административно объединенную с Херсоном в рамках одной фемы (1, с. 15—17). Керчь в первой четверти XI в. входила в состав империи, если принять чтение И. В. Соколовой надписи моливдовула Георгия Цулы как протоспафария Боспора (2, с. 133—134), тогда как 60-е гг. XI в. она, вероятно, перешла под контроль князя Тмутаракани. Но, вопреки мнению А. В. Гадло, это не означало, что, объединив две фемы, Византия «усиливает свои позиции в Крыму» и «берет тем самым в свои руки контроль над каботажным плаванием из Руси, из Днепровского лимана в Керченский пролив» (3, с. 11). Империя могла сделать это много раньше, когда в период правления Иоанна Цимисхия (969—976) был восстановлен ее кон-

троль над Сугдеей, где была создана фема и на руинах хазарских укреплений отстроена крепость (4, с. 269; 5, с. 54). Но для второй половины XI в. объединение фем под властью одного стратига было рядовым явлением, отражая эволюцию фемной организации империи (6, с. 273) и конкретную ситуацию на ее границах (7, с. 192).

Ю. А. Кулаковский полагал, что Керчь входила в состав Тмутараканского княжества, исходя из атрибуции моливдовула Феофано Музалон (8, с. 132—133). Н. А. Насонов датировал переход Керчи под власть князя Тмутаракани первой четвертью XI в. (9, с. 93), М. И. Артамонов относил это к 60-м гг. XI в. (10, с. 440). Ссылаясь на опубликованный Г. Шлюмберже моливдовул стратига Боспора Аркадия, широко датированный им X—XI вв. (11, с. 206), В. Г. Васильевский, А. А. Васильев, М. В. Левченко и А. В. Гадло считали, что Византия сохраняла контроль над Керчью и в 60-е гг. XI в. (12, с. 1. XY; 13, с. 253; 14, с. 223; 3, с. 8). В связи с этим последний исследователь был вынужден объявить надпись князя Глеба Святославовича 1067/8 гг. не более, чем «реляцией о попытке самого Глеба закрепить за Тмутараканью запад-